

Струнников А. А. Доступно ли нам непосредственное познание Божества? [Рец. на:] Астафьев П. Е. Воля в знании и воля в вере // Вопросы философии и психологии. Кн. 14. С. 75–96 // Богословский вестник 1893. Т. 2. № 5. С. 319–330 (3-я пагин.).

Доступно ли намъ непосредственное познание Божества?

(Вопросы философии и психологии, книга 14, стран. 75—96).

Давнымъ давно, еще въ Греціи, вслѣдъ за появленіемъ настоящаго стремленія или любви къ мудрости, вслѣдъ за появленіемъ философіи появилось и стремленіе къ поверхностному мудрованію, къ пустымъ словопреніямъ, — софистика. Сущность послѣдней сводилась къ тому, что при соблюденіи кажущейся логической правильности мысли, а тѣмъ болѣе при соблюденіи внѣшней словесной правильности, человѣкъ нарушалъ самые существенные законы мышленія, благодаря чему могъ утверждать и защищать, что угодно, говорить за и противъ одного и того же, доказывать какую угодно бессмыслицу. Главнѣйшій приемъ софистовъ былъ очень простъ: это употребленіе одного и того же слова въ разныхъ значеніяхъ или, въ частности, буквальное пониманіе выраженій, обыкновенно понимаемыхъ въ переносномъ смыслѣ. Такъ софисту легко было доказать хотя бы безсмертіе человѣка такимъ образомъ. Смертію называется уничтоженіе, разрушеніе; а если такъ, то самое выраженіе „человѣкъ умеръ“ окажется заключающимъ въ себѣ противорѣчіе и потому мысль о возможности смерти для человѣка недопустимою: если уже умеръ, разрушился, уничтожился, то сталобыть онъ уже не человѣкъ; человѣка нѣтъ; осталось если уже не чистое ничто, то лишь земля, прахъ; а если человѣкъ еще существуетъ, то значить не умеръ, а живъ... И не смотря на простоту подобныхъ

пріемовъ, софистика весьма вредила философіи, роняя ея представителей въ глазахъ большинства, которое. не различая философа отъ софиста, готово было и перваго представлять себѣ въ видѣ лишеннаго всякихъ убѣжденій пустослова, способнаго отрицать всѣ древнія вѣрованія народа, равно какъ и нравственныя правила.

Не вывелась софистика, особенно въ области философіи, и теперь; сохранивъ до сихъ поръ основной свой пріемъ разсужденій, она пріобрѣла себѣ даже новое орудіе въ иностранныхъ словахъ: грекъ почти ничего не заимствовалъ въ дѣлѣ философіи отъ иныхъ народовъ и потому по необходимости всѣ свои мысли выражалъ на родномъ языкѣ, тогда какъ всѣ новые народы, перенявъ науку отъ грековъ и латинянъ, усвоили и много иностранныхъ наименованій, которыя особенно помогаютъ затемнить мысль и даютъ возможность всякому, не вдумывающемуся много въ свои слова, легкомысленному писателю утверждать много такого, безсмысліе чего оказалось бы очевиднымъ, если бы доказательство и выводъ были высказаны простымъ русскимъ языкомъ. — Вотъ какое впечатлѣніе произвело на насъ окончаніе статьи: „Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ“ (Вопросы философіи и психологіи, книга 14. 1892 г.). Или бы не говорить вовсе, не затрогивать вопроса, или говорить основательно, доказательно, ясно; иначе мы лишь роняемъ и такъ небольшое уваженіе, какое еще немногіе питаютъ къ философіи. Насколько голословно или односторонне утверждается различіе знанія и вѣры въ этой статьѣ, это мы старались показать въ другомъ мѣстѣ; о поверхностности въ этомъ отношеніи достаточно говоритъ уже первая строка статьи (стр. 75): знаніе называется безкорыстнымъ, какъ будто медицина не наука, не знаніе, и какъ будто ее изучаютъ не въ виду той пользы, какую отъ нея надѣются получить посредственно или непосредственно! Подобныхъ одностороннихъ преувеличеній столько (особенно стр. 78, 79, 80, 92, 93), что было бы утомительно пересчитывать всѣ: всякій, кого занимаетъ вопросъ, увидитъ ихъ и самъ. Въ данномъ случаѣ поговоримъ лишь о томъ, можетъ ли человѣкъ непосредственно знать Божество, и какъ объ этомъ разсуждаетъ г. Астафьевъ?

Уже самыя общія положенія и выводы г. Астафьева не могутъ не наводить на недоумѣніе. Богъ, по мнѣнію г. А—ва, оказывается исключительно предметомъ вѣры, а никакъ не знанія внѣшняго, научнаго; вѣра, по его же утвержденію, есть знаніе субстанціальное, знаніе сущности вещи, *cognitio rei*; ясно стало-быть, что намъ доступно познаніе сущности Божества, ибо въ томъ-то вѣдь и различіе научнаго знанія отъ вѣры, что, тогда какъ первое познаетъ лишь внѣшнія отношенія вещей, не достигая сущности, вѣра непремѣнно есть познаніе сущности (конецъ 84 стр. и 85, 88 стр.). Но вѣдь всякій знакомый съ христіанскимъ катихизисомъ припомнитъ, что познаніе сущности Божества почитается въ немъ недоступнымъ чело-вѣку; а вѣдь г. А—въ, судя по всему, желаетъ быть не только христіаниномъ, а еще и православнымъ. Но оставимъ это: можетъ быть авторъ и съумѣетъ какъ-нибудь примирить свой взглядъ съ ученіемъ св. Писанія, говорящаго: „Бога никтоже видѣ нигдѣже“; станемъ на почву логики и здравой мысли вообще и на этой почвѣ разсмотримъ разсужденіе г. А—ва.

Для удобства читателя спорва изложимъ сущность разсужденій разбираемаго писателя. Существуютъ два главныхъ вида знанія: знаніе въ собственномъ смыслѣ, т.-е. знаніе разсудочное, научное, и вѣра. Предметомъ перваго является внѣшнее какъ по отношенію къ познающему, такъ и познаваемому; хотя въ качествѣ необходимаго предположенія въ основу разсудочнаго знанія и полагается недоказуемое разсудочно признаніе бытія внѣшняго по отношенію къ нашему сознанія предмета, тѣмъ не менѣе, развиваясь далѣе исключительно на почвѣ разсудка и внѣшняго опыта, оно никогда не достигаетъ познанія самой сущности вещи, а доставляетъ лишь свѣдѣнія о внѣшнихъ отношеніяхъ вещей. Такова вся наука въ тѣсномъ смыслѣ; это знаніе о явленіяхъ, а не о вещи, знаніе феноменальное, *cognitio circa rem*. Предметомъ вѣры, или ипаче: знанія субстанціального, является самая сущность вещи и прежде всего самъ чело-вѣкъ въ своей внутренней духовной сущности: созная въ собѣ

хотѣнія, дѣйствованія (усилія, напряженія), а затѣмъ чувства и мысль, и наконецъ самое это свое самосознаніе, всякій человѣкъ, всякій субъектъ, тѣмъ самымъ непосредственно познаетъ не что-либо внѣшнее, а самую внутреннюю сущность самого себя, въ силу чего такое знаніе и называется субстанціальнымъ, метафизическимъ, — это *cognitio rei*. Но такъ какъ центромъ всѣхъ душевныхъ явленій оказывается воля, то и все непосредственное знаніе человѣка о себѣ сводится въ сущности къ сознанію себя какъ волящаго, къ сознанію дѣятельныхъ чувствъ, являющихся „единственнымъ непосредственно вѣдомымъ субъекту во всемъ содержаніи его знанія“ (стр. 82), такъ что, „если есть вообще какос-либо непосредственное знаніе о субъектѣ, то оно состоитъ лишь въ знаніи его о себѣ, какъ дѣятельномъ, усиливающимся, напрягающемся (стр. 83—84) ¹⁾“.

Но „если воля, составляющая существо субъекта, непосредственно и всеобще сознается, какъ дѣятельная, производящая, словомъ творческая воля, то ея существо, какъ творческой, производящей, никогда не покрывается ни однимъ изъ ея проявленій, ни какимъ угодно множествомъ ихъ. Она всегда глубже, больше по содержанію своему, чѣмъ все произведенное ею, получившее отъ нея свое бытіе. Иначе, если-бы она вполне вылилась, воплотилась въ послѣднемъ, то перестала бы быть творческою, дѣятельною и обратилась бы въ мертвое, лишнее внутренней жизни явленіе, перестала бы быть субъектомъ. Какъ дѣятельная, производящая, воля есть по существу своему стремленіе, начала котораго и концы, корень и вершина выходятъ за предѣлы всякаго отдѣльнаго опытнаго проявленія и любого ряда опытныхъ проявленій своихъ. Составляя содержаніе всеобщаго, непосредственнаго, субъективнаго знанія, даннаго внутреннему опыту, она тоже непосредственно указываетъ ему на выходящій за предѣлы всякаго возможнаго опыта, трансцендентный характеръ

¹⁾ „Какъ субъекта т.-е. субстанціально знаетъ себя мыслящее существо лишь какъ дѣятельную волю. Это единственное знаніе и непосредственное и субстанціальное“ и всеобщее при всей своей индивидуальности и при томъ „безусловно достоверное“ (стр. 83).

своего существа, на мѣръ сверхъопытныхъ трансцендентныхъ началъ и конечныхъ цѣлей того, что каждый сознаетъ въ себѣ, какъ самое свое внутреннее бытіе. Съ этимъ непосредственнымъ признаніемъ начала творческой дѣятельной воли, какъ существа субъекта, и *implicite* заключающимся въ немъ признаніемъ міра трансцендентныхъ, лежащихъ внѣ всякаго опыта и всякой феноменальности началъ и конечныхъ цѣлей, знаніе субъекта о себѣ, внутреннее, субстанціальное и безусловно достовѣрное, становится и естественною, общею всѣмъ знающимъ о себѣ существамъ почвою, на которой вырастаютъ вѣрованія въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. вѣрованія религіозныя. Безъ признанія творческой воли и слѣдовательно ея трансцендентнаго источника, начала, смысла и цѣли — религіозное вѣрованіе вообще не возможно; тамъ же, гдѣ эти условія на лицо (а даны они въ общечеловѣческомъ внутреннемъ сознаніи, лежащемъ также въ основѣ и всякой объективной, феноменальной мысли), тамъ существуютъ и условія и потребность религіознаго вѣрованія, религіознаго наученія. Душа знающая о себѣ въ этомъ непосредственномъ, внутреннемъ знаніи является, повторяя извѣстное выраженіе Тертуллиана, отъ рожденія, по природѣ религіозно-настроенной, какъ по природѣ же она и метафизична“ (стр. 85, 86).

Такимъ образомъ „дѣятельная воля, какъ такая, заключаетъ въ сознаніи о себѣ непосредственное указаніе на непокрываемые и неисчерпываемые никакими проявленіями ея трансцендентныя начало ея и конецъ. Какъ трансцендентное начало дѣятельной воли и трансцендентная конечная цѣль ея, они необходимо мыслимы не иначе, какъ въ смыслѣ безусловной (внѣ условій опыта), трансцендентной творческой воли и безусловной же (неосуществляемой въ мѣрѣ опыта, имъ ни утверждаемой, ни опровергаемой) конечной цѣли дѣятельной воли. Не зная въ своемъ опытѣ отвнѣ и по общимъ внѣшнимъ отношеніямъ ни какой дѣятельной воли вообще или чего-либо ей аналогичнаго, предметная, феноменальная мысль не содержитъ и ни какихъ указаній на трансцендентную безусловную творческую волю и безусловный, трансцендентный идеалъ ея. Она не знаетъ и не можетъ знать ни того метафизическаго, ни того этическаго опредѣленія трансцендентнаго высочайшаго существа, въ которомъ дается

естественная основа богопознанія и религіознаго вѣрованія для всякой мысли, не ограничивающейся однимъ феноменальнымъ, предметнымъ знаніемъ, но познающей своего субъекта и субстанціально, какъ дѣятельную волю. Если-бы не было послѣдняго, субстанціального внутренняго знанія (что, конечно, не возможно, ибо оно всякому мыслящему существу, какъ мы видѣли, присуще, хотя и можетъ имъ оставляться безъ надлежащаго вниманія, безъ признанія его дѣйствительнаго значенія и т. п.), то не было бы у человѣчества и всеобщей естественной основы богопознанія и почвы для религіознаго вѣрованія. Тамъ же гдѣ есть внутреннее, субстанціальное знаніе, гдѣ признается и дѣятельная воля и метафизическое опредѣленіе высшаго трансцендентнаго существа, — какъ безусловной трансцендентной воли, и этическое — какъ безусловной нравственной цѣли, — тамъ есть на лицо и тѣ два существенныя, основныя естественныя условія религіозной вѣры, которыхъ непремѣнно требуетъ отъ вѣрующаго ученіе Христа и Христовой Церкви.

Оба эти опредѣленія трансцендентнаго высшаго Существа, — и метафизическое (какъ безусловной творческой воли) и этическое (какъ безусловнаго нравственнаго идеала этой воли), — представляютъ, какъ мы видимъ, знаніе, необходимо данное мысли вмѣстѣ съ непосредственнымъ знаніемъ его о дѣятельной волѣ, какъ существѣ самаго мыслящаго субъекта. И оба опредѣленія неизбѣжно указываютъ мысли въ область внѣ — и сверхъопытнаго, трансцендентнаго, хотя оба суть знаніе и естественное, и необходимое, и опытное“ (стр. 88, 89).

Сущность всего сказаннаго можно, какъ видитъ читатель, свести къ слѣдующимъ тремъ мыслямъ: 1) Въ собственномъ самопознаніи мы непосредственно познаемъ сущность себя самихъ, какъ дѣятельнаго, волящаго существа; 2) дѣятельная творческая воля по самой сущности необходимо является трансцендентной и безусловной, т.-е. не стѣсняемой условіями опыта, но переступающей міръ явленій и стремящейся къ безконечному идеалу; 3) безусловность и трансцендентность воли *implicite* въ себѣ самихъ заключаютъ непосредственное указаніе на міръ трансцендентный и безусловный вообще, въ частности на Божество, Которое опредѣляется метафизически какъ трансцендентное творче-

ское начало или безусловная воля, а нравственно, какъ безусловный нравственный идеаль этой воли. Общій же выводъ такой: Божество доступно нашему внутреннему познанию непосредственно: оно дано намъ въ сущности самага самосознанія. — Разсмотримъ эти мысли по порядку.

Прежде всего, правда-ли, что въ самосознаніи мы непосредственно сознаемъ собственную сущность? Многіе уважаемые и извѣстные мыслители съ этимъ несогласны, а утверждаютъ какъ разъ обратное т.-е. что и въ себѣ самихъ, въ своемъ внутреннемъ мірѣ, мы непосредственно подмѣчаемъ лишь явленія, состоянія, а не сущность. Да и въ самомъ дѣлѣ: сколько доводовъ въ пользу этой послѣдней мысли! Еслибъ мы непосредственно сознавали сущность себя, то не могло-бы быть и вопросовъ о томъ, тождественна душа по сущности съ тѣломъ или нѣтъ, бессмертна она или нѣтъ, проста или сложна. Но всѣ эти вопросы приходится, какъ всѣмъ извѣстно, рѣшать не самонаблюденіемъ, а разсужденіемъ, логическимъ выводомъ изъ наблюдаемыхъ душевныхъ явленій, особенно по сравненію ихъ съ тѣлесными. — Да и что собственно мы подмѣчаемъ, непосредственно сознаемъ въ себѣ? Тѣ или другія отдѣльныя хотѣнія, стремленія, дѣйствования, чувствованія, мысли, — но развѣ все это сущность, а не частныя ея проявленія, временныя состоянія? Пока ясно не опровергнуто значеніе приведенныхъ соображеній, мысль о томъ, что мы непосредственно познаемъ собственную духовную сущность, остается недоказанной. Но если, вообще говоря, эта мысль является спорною, то для г. А—ва, въ виду его своеобразныхъ разсужденій, она должна бы казаться и вовсе невозможною, если только понимать слова въ ихъ прямомъ значеніи. Онъ говоритъ вѣдь, что сущность всего внутренняго міра воля, существо которой, „какъ творческой, производящей, никогда не покрывается ни однимъ изъ ея проявленій, ни какимъ угодно множествомъ ихъ. Она всегда глубже, больше по содержанию своему, чѣмъ все произведенное ею, получившее отъ нея свое бытіе. Иначе, если-бы она вполнѣ вылилась, воплотилась въ послѣднемъ, то перестала бы быть творческою, дѣятельною и обратилась бы въ мертвое, лишонное внутренней жизни явленіе, перестала бы быть субъектомъ. Какъ дѣятельная,

производящая, воля есть по существу своему стремленіе, начала котораго и концы, корень и вершина выходятъ за предѣлы всякаго отдѣльнаго опытнаго проявленія любого ряда опытныхъ проявленій своихъ. Составляя содержаніе всеобщаго непосредственнаго субъективнаго знанія, даннаго внутреннему опыту, она тоже непосредственно указываетъ ему на выходящій за предѣлы всякаго возможнаго опыта, трансцендентный характеръ своего существа, на міръ сверхъопытныхъ, трансцендентныхъ началъ и конечныхъ цѣлей того, что каждый сознаетъ въ себѣ, какъ самое свое внутреннее бытіе“ (стр. 85, 86). — Самъ г. А—въ такомъ образомъ принужденъ сознаться, что, составляя содержаніе непосредственнаго знанія, даннаго внутреннему опыту, воля лишь указываетъ на сверхъопытный характеръ своего существа. Но какъ указываетъ: опытно или нѣтъ? Г. А—въ говоритъ „непосредственно“; но здѣсь-то вотъ и начинается софистика въ смыслѣ смѣшенія различныхъ понятій одного и того же слова. Въ самомъ понятіи параллельныхъ линій дано то, что они никогда не пересѣкутся, и можно сказать, послѣдняя мысль „непосредственно“ заключена въ ихъ понятіи, — это одно значеніе. Въ самомъ понятіи треугольника заключена та истина, что сумма внутреннихъ угловъ его равна двумъ прямымъ: нужно сдѣлать немногія соображенія, чтобъ убѣдиться въ этой истинѣ; такъ что и здѣсь можно сказать, что эта истина дана „непосредственно“ въ самомъ понятіи треугольника, но это будетъ уже иное значеніе, такъ какъ все-таки, чтобъ доказать, чему равна сумма внутреннихъ угловъ треугольника, нужны предположенія, соображенія, — словомъ логическое мышленіе и посредственный выводъ. И тѣмъ не менѣе выраженіе, что помянутая истина *implicite*, непосредственно дана въ понятіи треугольника, все-таки будетъ имѣть смыслъ; вѣдь не мыслимъ же никакой прямолинейный треугольникъ, къ которому бы сказанное было не приложимо. Даже болѣе: мы доходимъ до признанія этой истины посредствомъ соображеній, но сама по себѣ эта истина, будучи необходимымъ признакомъ всякаго треугольника, прямо заключена въ самомъ понятіи его.—Но есть и третье значеніе слова „непосредственно“: я непосредственно чувствую, что сейчасъ веселъ. Это прямо уже

опытное воспріятіе, отличающееся отъ признанія того, что параллельныя линіи никогда не пересѣкутся: я не могу сказать, что веселость мой всегдашній признакъ, что я „всегда“ буду весель, — я лишь чувствую, что *есть* теперь. — А можно подыскать и четвертое значеніе: я непосредственно вижу, что одинъ предметъ выше другаго, одинъ ближе ко мнѣ, чѣмъ другой, а между тѣмъ новѣйшіе психологи говорятъ, что и это кажущееся непосредственнымъ воспріятіе въ дѣйствительности опосредствовано другими предшествующими душевными явленіями, въ частности почти ускользающими отъ нашего сознанія мускульными ощущеніями, порождаемыми движеніями мышцъ, двигающихъ глазнымъ яблокомъ и заправляющихъ суженіемъ и расширеніемъ зрачка, о чемъ не безызвѣстно и г. А—ву. — Въ какомъ же теперь изъ сихъ смысловъ говорить онъ, что безусловная и трансцендентная сущность воли дана намъ непосредственно? Что она не дана намъ прямо во внутреннемъ опытѣ, которому даны лишь проявленія ея, это очевидно и признается самимъ г. А—вымъ: иначе лишне было бы и говорить о томъ, что сущность воли не покрывается ея проявленіями. На эту сущность воли лишь *указываютъ* проявленія, — а *какъ* указываютъ? Да такъ, что самое понятіе дѣятельной, творческой воли требуетъ, по мысли г. А—ва, признанія того, что она не можетъ вполне выразиться въ производимыхъ ею явленіяхъ, ибо тогда перестала бы быть живою, дѣятельною, ставъ мертвою. Вѣрно или нѣтъ это разсужденіе, — вопросъ иной; но очевидно, что это *разсужденіе*, представляющее собою попытку анализировать понятіе воли, полученное путемъ обобщенія отдѣльныхъ ея проявленій, съ тѣмъ, чтобы путемъ таковаго анализа т.-с. стало-быть разсудочнымъ путемъ вывести заключеніе о сущности ея. Что это именно такъ, что воля въ ея сущности не дана намъ во внутреннемъ опытѣ, въ непосредственномъ воспріятіи, по крайней мѣрѣ всецѣло, это явно уже изъ слѣдующаго: сущность воли существовала и прежніе годы, равно какъ существуетъ и теперь, и будетъ существовать въ будущемъ, — но кто же рѣшится сказать, что будущее теперь же доступно нашему непосредственному воспріятію или что о прошломъ мы знаемъ непосредственно въ настоящемъ воспріятіи его? О будущемъ

мы лишь гадаемъ, а о прошломъ, слѣдовательно и о прошлыхъ проявленіяхъ воли, знаемъ по памяти, которая нерѣдко и измѣняетъ намъ. Такимъ образомъ сущность воли всецѣло вовсе не доступна нашему непосредственному воспріятію.

Но если такъ приходится говорить о познаніи собственной сущности, то что должно сказать о познаніи Божества, да еще не въ явленіяхъ Его, а въ существѣ? Какъ здѣсь понимать это „непосредственно“? Непосредственному нашему воспріятію Божество, да еще въ своей сущности, ужь никакъ недоступно; если-бъ мы видѣли, ощущали Бога также, какъ ощущаемъ свои желанія, усилія, то едва-ли бы кто могъ сомнѣваться въ Его бытіи или стремиться за чѣмъ-то доказывать это бытіе разсудочно. Но въ этомъ-то и дѣло, что не только прямому, опытному воспріятію Божество, по крайней мѣрѣ для большинства въ настоящей жизни, недоступно, но г. А—въ не указываетъ ни какого даже и кажущагося логическаго перехода отъ мысли о личной безусловной волѣ къ понятію безусловнаго, внѣшняго по отношенію къ нашему самосознанію Существа—Бога. Единственнымъ переходомъ здѣсь остается лишь аналогія, — одинъ изъ самыхъ ненадежныхъ способовъ умозаключенія. Разъ мы признали въ себѣ бытіе безусловной метафизической трансцендентной сущности, такъ отчего же не признать бытіе такой сущности и внѣ насъ? Вотъ мы и признаемъ такимъ образомъ бытіе и другихъ людей, и Бога. Но если уже бытіе другихъ людей, какъ самосознающихъ, основывается на аналогіи съ собой, если даже ихъ душевный міръ прямо, непосредственно (въ томъ же смыслѣ; какъ собственный душевный міръ) не доступенъ намъ, — чужая душа, по пословицѣ, потѣмки, — то тѣмъ болѣе Божество: здѣсь самая аналогія-то теряетъ силу, ибо вѣдь называть нашу человѣческую ограниченную, не всемогущую волю безусловною и отъ нея дѣлать непосредственно переходъ къ вполне безусловной Волѣ ничѣмъ не стѣсненаго всемогущаго Существа, какъ бы отождествляя себя съ Богомъ, можетъ лишь самая поверхностная софистика.

Такимъ образомъ всѣ разсужденія г. А—ва о доступности намъ непосредственнаго познанія Божества оказались несостоятельными, — а вѣдь между прочимъ на нихъ-то

на цѣлую половину и основывается его противуположеніе религиозной вѣры знанію, тогда какъ стоитъ лишь просто и безпристрастно взглянуть на разсужденія самаго г. А—ва, чтобъ понять, что самъ онъ допускаетъ, что не только понятіе Божества, а и понятіе собственной сущности являются слѣдствіемъ разсудочной работы мысли, т.-е. знаніемъ въ его же собственномъ смыслѣ. Если-бъ это было не такъ, то не зачѣмъ бы было и тратить столько разсужденій для доказательства той истины, которая будто-бы дана всѣмъ (стр. 70) непосредственно. Такія истины недоказываютъ многословными разсужденіями, на нихъ достаточно указать, достаточно упомянуть ихъ, чтобъ всякій согласился, что это правда. Зачѣмъ мнѣ доказывать кому-бы-то ни было ту всѣмъ извѣстную вещь, что человѣкъ иногда страдаетъ? Можетъ быть много поводовъ упоминать объ этомъ, разсуждать о томъ, что такое страданіе, въ своей сущности—но доказывать, что бываетъ страданіе, нѣтъ никакой нужды. Не было бы нужды доказывать и то, что Божество дано непосредственному опытному воспріятію человѣческаго сознанія, еслибъ это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Если-жъ г. А—въ имѣлъ въ виду не опытное воспріятіе, подобное воспріятію собственныхъ душевныхъ явленій, то почему онъ, столь много горя о послѣднемъ и такъ усордно приравнивая познаніе Божества къ самопознанію, не указалъ различія того и другого! — Лично не сомнѣваемся, что указать это различіе, значило бы отказаться ото всей сущности своего взгляда, и лишь для поддержанія его приходилось просматривать самыя ясныя противорѣчія и дѣлать насилія дѣйствительной истинѣ. Если даже признать, что основныя черты понятія Божества даны непосредственно, то для вполне развитаго понятія личнаго Бога, по мысли самого же г. А—ва, нужно откровеніе (стр. 90); а оно дается всегда въ видѣ внѣшняго знанія, т.-е. въ видѣ словъ, книгъ и т. п. Стало-быть, даже по мысли г. А—ва, вся полнота свѣдѣній о Богѣ и религиозныхъ вѣрованій получается не изъ непосредственнаго источника, а изъ внѣшняго; непосредственною оказывается лишь основа: признаніе Бога вообще; по такая же недоказуемая разсудочно, но лишь предполагаемая волею основа, признаніе объекта внѣшняго сознанія предмета, ле-

жить по его же словамъ и въ основаніи всего научнаго знанія (см. кн. 13), — какая же, стало-быть, и здѣсь разница между вѣрою и знаніемъ? Ужъ не въ томъ ли она, что всякое субстанціальное познаніе (т.-е. вѣра), всякое познаніе касающееся своей собственной воли свободно, охотно? (стр. 92. 93). Кто не знаетъ, что всякій съ удовольствіемъ бы не призналъ своихъ грѣховъ и глупостей; если-жъ ихъ признаетъ, то признаетъ по необходимости (что отчасти признаетъ и г. А—въ, говоря о томъ, что субъективное знаніе о себѣ недопускаетъ никакихъ сомнѣній и колебаній,—отрицаніе здѣсь не мыслимо¹⁾), и съ прискорбіемъ, а нерѣдко и съ раскаяніемъ?

Признавая несостоятельными разсужденія г. А—ва, самый вопросъ о возможности непосредственнаго познанія Божества мы все-таки оставляемъ открытымъ. Знать сущность Божества, видѣть Бога какъ-бы глазами—нельзя; но знаніе сущности и знаніе непосредственное не одно и то же, а слова Ап. Павла, что Богъ „не далече отъ единого коегождо насъ... о Немъ бо живемъ и движемся и есмы“ (и 1 Кор. XIII, 12, относящіяся, правда, къ будущей жизни), даютъ поводъ думать, что можетъ быть и возможно допустить разсудочное умозрѣніе, требующее признанія Божества съ такою же ясно сознаваемою необходимостію, съ какою оно требуетъ признанія основныхъ законовъ мышленія, и въ этомъ смыслѣ непосредственное.

Алексій Струнниковъ.

¹⁾ Стр. 83, внизу.